

В. Г. Лошак¹

ПО МНЕНИЮ ЛИНДЫ И АЛАНА (Как появилось первое в отечественной прессе свободное мнение западных журналистов о России)

Одним из серьезных последствий «железного занавеса», за которым все мы находились в СССР, как известно, была полная невозможность прочесть или услышать мнение западных экспертов о стране, в которой мы жили. Что-то, конечно, узнавали из западных радиоголосов, что-то доносил Самиздат. Но потребителями этой информации были единицы. Массовому прослушиванию «Свободы», «Немецкой волны», «Голоса Америки» здорово мешала раскинувшая свои сети по всему Союзу система глушилок, треском и писком забивавших частоты, на которых вещал «враг».

И вот в 1988 году «Московские новости», где я тогда работал, в очередной раз взбудоражили страну, и без того жившую ожиданием больших перемен. Интересно, что в ту горбачевскую эпоху границ объявленной гласности не понимал никто — ни читатели, ни писатели. Казалось, вчера еще было нельзя, а сегодня — можно. Лишь те немногие, кто стоял за кулисами изданий, расширявших круг возможного, понимали или хотя бы видели, как все происходило. Происходило прежде всего в «Московских новостях», «Огоньке», самом серьезном идеологическом издании — журнале «Коммунист». Темы, имена, архивные материалы возникали то как продукт договоренностей между властями, то просто как рискованные шаги самих журналистов и их главных редакторов. Власти необходимо было демонстрировать перемены и собственной стране, и своим западным партнерам. Последнее обстоятельство и привело к решению, которое объявил нам на редколлегии главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев: «Со следующей недели у нас в редакции будут работать американские журналисты».

Какие американские журналисты могут работать в советской газете, мы приблизительно представляли. Эти никому не известные фантомы иногда возникали в статьях партийных газет из-за рубежа или телерепортажах, бескомпромиссно бичующих западную действительность. Их суровые лица, фра-

зы, цитаты о бедствиях трудящихся и непримиримой классовый борьбе должны были добавлять всему этому пропагандистскому мутному потоку какой-то оттенок достоверности. Но им давно никто не верил, включая, кажется, наших бойцов идеологического фронта.

Американцы появились на утренней планерке в понедельник. Им обоим было лет по 25. Она была худая, востроносая, в больших очках и вся какая-то уж очень некрасивая. И имя у нее было соответствующее — Линда Фельдман-Ро. Он был невысокий, с маленькой головкой и живыми глазками, белобрысый — Алан Куперман. Алан, кажется, работал на «Вашингтон пост», а Линда — точно на «Крисчен Сайенс Монитор». Оба почти не говорили по-русски. Его отправили в международный отдел «Московских новостей», ее — в отдел информации. Присматривал за ними такой справный парень, тоже якобы наш журналист.

Настоящие американцы внутри советской редакции — это было почти невозможно. Но Яковлеву этой границы невозможного показалось мало. И он решил: они будут каждую неделю писать в газету. Писать, о чем захотят. Нет, этого сейчас не понять. Американцы? О чем захотят? В советской газете?!

Время было переходное, и получалось, что эти американцы с любопытством и иногда с симпатией писали о нашей стране, а рядом еще печатались пропагандистские ястребы АПН («Московские новости» были частью этой замечательной организации, всем смыслом которой было давать отпор «тлетворному влиянию Запада»), которые клеймили Америку за каждый ее шаг. Правда, надо сказать, за командировки в эту страну шла между ними суровая борьба. Тех, кто попадал в обойму, было видно сразу: мягкие пальто, шляпы с короткими полями, твидовые пиджаки, не наши галстуки...

Яковлев собрал несколько человек, в том числе и самих американцев, чтобы определить, что и как часто они станут писать. В принципе, их стажировка в «Московских новостях» могла быть и не публичной, но Яковлев с его тонким политическим чутьем решил сделать из пребывания американцев очевид-

¹ Главный редактор журнала «Огонек», профессор кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ.

ный факт гласности и перестройки. Сначала думали, что будут они писать об Америке, потом пришли к противоположному решению. Пусть пишут о том, какой они видят нашу страну, пусть накладывают свой американский опыт на здешние впечатления. На острые политические темы решили не выходить, да никто и не был расположен.

Линду и Алана сфотографировали. Так с этим снимком идущих по московской улице американцев и вышло с десяток колонок с рубрикой «По мнению Линды и Алана». Сегодня невозможно представить, какая это была сенсация! Некоторые специально приходили к стендам газеты на Пушкинскую площадь, где жила редакция, прочесть настоящих американцев. И это при том, что писали они о вполне обыденном: как у нас много курят, впечатления от Ленинграда и московского метро, поход в баню... Скажу честно, что именно эти два молодых американских журналиста дали нам тогда первый урок того, за что российская пресса борется уже много лет, — разделения текстов на факты и комментарии. Писали они вроде бы обыкновенно, но в этом очевидно чувствовалась другая школа. Из сегодняшнего дня я бы сказал, что они очень старались быть доказательными.

...А людьми они были довольно разными. Алан, хотя и казался любознательным парнем, но был сдержан: в друзья не лез, по кабинетам не ходил, лишних вопросов не задавал. Зато Линда будто рас-

творилась в компании девушек отдела информации. Там все было с приличным английским, а Лену Хангу она просто считала почти за свою. Будущая телезвезда обладала характером открытым и общительным. Они и обедали вместе и, кажется, даже ходили по магазинам.

Увы, ничем хорошим для Лены, да и для ее коллег это не кончилось.

Американцев тепло проводили и стали о них забывать. И вдруг редактора отдела информации Сашу Мостовщикова вызвал Яковлев с вопросом, чем там у него в отделе люди занимаются. Мостовщиков еще не успел, как позже он мне рассказывал, начать отчитываться, как Яковлев достал копию какой-то статьи: «Да они у тебя во время работы бегают в магазин лифчики мерить!», — сообщил главный редактор опешившему Мостовщикову.

Потом стало понятно, что и самому Яковлеву, который английского не знал, какой-то вышестоящий доброжелатель перевел самые неприятные моменты из статьи в «Крисчен Сайенс Монитор». Это, собственно, и был отчет Линды Фельдман-Ро о работе в «Московских новостях». Так мы выглядели по мнению Линды. Как по мнению Алана, тогда узнать не удалось, его публикаций или не было, или они до нас не докатились. Зато спустя лет восемь сам Алан Куперман вернулся в Москву уже заведующим бюро журнала «Ньюсвик». Он действительно хорошо знал Россию.